

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНТРОПОНИМЫ
В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**Е.В. Богданова**

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению литературных антропонимов, перешедших в разряд нарицательных и закрепившихся во фразеологическом корпусе испанского языка. Функция идентификации и индивидуализации денотата, присущая общеязыковой ономастике, в случае литературных имен собственных, подвергшихся деантропонимизации, становится вторичной, уступая место метафорическому или метонимическому употреблению. Имена персонажей становятся хранителями уникальной исторической и этнокультурной информации, художественного наследия и творческих традиций. Корректная интерпретация литературных антропонимов и их правильное использование в речи предполагает определенный набор общекультурных знаний, понимание лингвистической и экстралингвистической природы апеллятивов, представление об устойчивых ассоциативных связях и оттеночных значениях. Цель настоящей статьи заключается в анализе зарегистрированных в испанском языке литературных антропонимов, указании источников их происхождения и уточнении современного значения.*

Ключевые слова: ономастика, антропоним, эпоним, апеллятив, фразеология.

372

LITERARY ANTHROPONYMS IN SPANISH

E.V. Bogdanova

Abstract. *The article considers the literary anthroponyms that have passed into the category of appellative nouns and are fixed in the phraseological corpus of the Spanish language. The function of identification and individualization of the referent, which is inherent to the general lingual onomastics, in the case of literary proper names that have undergone deanthroponymization, becomes secondary, giving way to metaphorical or metonymic use. Character names become the keepers of unique historical and ethnocultural information, artistic heritage*

© Богданова Е.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

and creative traditions. The correct interpretation of literary anthroponyms and their correct use in speech implies a certain set of general cultural knowledge, an understanding of the linguistic and extra-linguistic nature of appellatives, an idea of stable associative links and connotations. The purpose of this article is to analyze the literary anthroponyms registered in Spanish, to indicate their origin and to clarify their contemporary meaning.

Keywords: *onomastics, anthroponym, eponym, appellative, phraseology.*

Литературный антропонимикон является хранителем уникального культурного наследия, участвует в формировании языковой картины мира, отражает историко-политические и этнографические реалии. Зачастую имена литературных или библейских персонажей, известных деятелей литературы становятся достоянием всего человечества [1]. Многие имена собственные (ИС) выходят за рамки художественного пространства и закрепляются в языке в виде имен нарицательных или в виде неотъемлемого компонента фразеологических единиц (ФЕ). При этом на второй план отходит ключевая функция онимов идентифицировать денотат, доминирующим становится переносный смысл ИС. В этой связи представляется необходимым верно интерпретировать высказывание, содержащее литературное ИС, понимать его эмотивный компонент и контекст употребления.

ИС художественных персонажей (в ряде современных работ именуемые поэтонимами) изначально могут быть отнесены к единичным антропонимам, то есть именам, которые соотносятся с конкретным лицом (денотатом) и не требуют «уточняющего контекста, поскольку их коммуникативная сфера — весь языковой коллектив» [2, с. 40]. При этом следует особо отметить прецедентный харак-

тер литературных антропонимов, заключающий в себе определенный культурный код, сформированные в национальном сознании ассоциативные связи и когнитивные концепты. Прецедентные антропонимы могут функционировать в речи «как отдельные единицы (в прямом и метафорическом значении), так и в составе фразеологических единиц различного типа, в том числе паремиях» [1, с. 85]. Зачастую понимание значения литературного ИС осложняется постепенным забыванием источника его происхождения, что обязывает проводить исследование на стыке лингвистики и литературоведения.

Цель настоящей статьи заключается в последовательном рассмотрении языковых единиц, восходящих к именам художественных персонажей, уточнении их современного значения, указании литературного источника. Материалом исследования послужили 47 единиц, отобранных методом сплошной выборки из испанских лексикографических изданий: “Diccionario fraseológico documentado del español actual” (dir. por M. Seco, 2017), “Diccionario de refranes, dichos y proverbios” (L. Junceda, 2015), “El porqué de los dichos” (J.-M^a. Iribarren, 2020), “Del hecho al dicho” (G. Doval, 2010), “Diccionario de dichos y frases hechas” (A. Buitrago,

2014), “Diccionario de epónimos” (S.García Castañón, 2001).

В исследуемых источниках выявлен объемный корпус устойчивых выражений с литературными антропонимами. Приведенный ниже порядок разбора ФЕ организован по хронологическому принципу, то есть в соответствии с периодом создания художественного текста, в котором представлено прецедентное имя. Ввиду смежности сфер первичного употребления полагается целесообразным включить в этот раздел выражения, заимствованные из героических эпосов, оригинальный текст которых мог не сохраниться до наших дней в силу устной традиции жанра или же утери письменного источника.

“Saber más que Merlin” (букв. *знать больше, чем Мерлин*; ≈ мудрый как сова).

Выражение восходит к британскому циклу легенд о короле Артуре и является отсылкой на одного из ключевых персонажей — волшебника Мерлина, мудрого наставника и подвижника короля. По указанию некоторых исследователей, персонаж имеет своим прототипом британского рыцаря V–VI вв. Амвросия Аврелиана [3–5], в испанских источниках фигурирующего как “Ambrosio Aureliano” или “Ambrosio Merlin”. Очевидно, положительная коннотация, коей уже обладало имя рыцаря, была закреплена впоследствии в артуровском цикле.

“Ahora lo veredes, dijo Agrajes (con todos sus pajes)” (букв. *сейчас увидишь, сказал Агахес (и все его пажи)*; ≈ ну, держись!).

В выражении приведена устаревшая личная форма глагола “ver” (от лат. vidēre): окончания “ades”, “edes” и “ides”, сопровождавшие местоимение

“vos”, со временем преобразовались в “áis”, “éis” и “ís” (vosotros) соответственно (amades, veredes, partides) [6, p. 177].

Устойчивая единица используется для выражения угрозы и может быть переведена на русский язык как «сейчас ты у меня попляшешь!», «ну, держись!» Представленное ИС принадлежит странствующему рыцарю Аграхесу, ставшему персонажем ряда испанских средневековых романсов и упомянутому в «Амадисе Гальском» Гарси Родригеса де Монтальво (≈1450–1505), а также в «Дон Кихоте» Сервантеса (1547–1616). По свидетельству Х.-М. Ирибаррена, «эта формула угрозы была распространена в Испании в 1620-е годы» [5, p. 43] после публикации сборника «Сновидения» Ф. де Кеведо (1580–1645), в котором данное выражение встречается несколько раз: *«[...] но тут схватил меня за руку один мертвец и сказал: Пускай себе идет, он всем нам голову заморочил. А ты, когда вернешься в мир, скажи, что встречался здесь с Аграхесом и он жалуется, что вы треплете его имя, говоря: “Теперь увидите”, — сказал Аграхес. Я и есть Аграхес. Так вот знай: ничего такого я не говорил. Мне дела нет, увидите вы теперь либо никогда не увидите, А вы вечно твердите: “Теперь увидите”, — сказал Аграхес»* [7].

“Descender de la pata del Cid” (букв. *происходить от ноги Сиды* ≈ быть благородного происхождения, голубых кровей).

Несмотря на то, что выражение отсылает к личности, чье существование было доказано, представляется целесообразным включить данный фразеологизм в проводимый анализ, так как источником происхождения всех ФЕ, связанных с этим персонажем, яв-

ляется «Песнь о моем Сиде» (*El Cantar de Mío Cid*), то есть окончательный образ героя, определивший его последующее восприятие и трактовку, сформировался именно в эпосе.

В выражении представлено прозвище национального героя Испании, воителя Родриго Диаса де Бивара (*cid* от араб. *sayyid* — господин). Фразеологизм, отсылающий к дворянскому происхождению кастильского рыцаря, может использоваться с нейтральным или же ироническим оттенком, близком ФЕ “*bajar los humos*” (≈ сбить спесь) [8, р. 45]. Фразеологизм допускает замену глагольного компонента (*descender, ser, venir*).

Следует оговориться, что в испанском языке зарегистрированы и иные ФЕ с прозвищем “*Cid*” (к примеру, *más valiente que el Cid, como la tizona del Cid*), однако в исследуемых источниках они не представлены. Кроме того, “*Cid*” стало именем нарицательным и закрепилось в лексическом фонде испанского языка со значением «сильный и смелый» [9].

“**Las coplas de Calainos**” (букв. куплеты Калаиноса; ≈ бабушкины сказки, небылицы).

ИС принадлежит герою одноименного романа (*Romance del moro Calainos*), вошедшего в известный сборник “*Cancionero General*” (опубликован в 1511). Невероятные перипетии, представленные в романе, породили ироничное выражение “**no ser más que coplas de Calainos**” (букв. не более, чем куплеты Калаиноса; ≈ быть не более, чем выдумкой).

“**No lo entenderá Galván**” (букв. и Гальван не поймет; ≈ кто его разберет! черт его знает!)

Выражение носит разговорный характер и, по свидетельству С. Гарсии

Кастаньона, восходит к циклу средневековых испанских романсов [10]. Действительно, имя “*Galván*” представлено, к примеру, в «Романсе о Доне Гальване» (*Romance de don Galván*) и «Романсе о Мориане и Гальване» (*Romance de Moriana y Galván*), однако нельзя исключать возможности, что имя заимствовано из уже упомянутого цикла легенд о короле Артуре, одним из персонажей которого является рыцарь Гавейн (*Sir Gawain*), в испанской огласовке — *Galván*.

“**El campo de Agramante**” (букв. стан Аграманта; ≈ сумбур, бедлам).

Фразеологизм допускает интеграцию глаголов “*ser /parecer*” и др. и используется для обозначения места, где все «дерутся или ругаются друг с другом» [11, р. 128]. Выражение восходит к произведению Лудовико Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд» (в ранних переводах — «Неистовый Орланд»), одним из героев которого является африканский «государь Аграмант» (перевод М.Л. Гаспарова). Выражение является отсылкой на песнь XXVII, в которой представлен эпизод осады Парижа сарацинским войском [3; 5], во время которой архангел Михаил велит Распре «*взжечь раздор между рыцарей язычества*» [12].

“**Los Borregos de Panurgo**” (панургово стадо).

Как и предыдущем случае, выражение допускает глагольный компонент (*ser, parecer* и др.). ИС «*Panurgo*» (Панург) отсылает к персонажу сатирического произведения Ф. Рабле (≈1494–1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль», а само выражение — к событиям, описанным в книге 4, главе VIII «Как Панург потопил в море купца и баранов» (перевод В. Пяста) [13].

“Los polvos de la madre Celestina” (букв. порошки мамаша Селестины; ≈ волшебное зелье)

ИС “Celestina” давно стало нарицательным («сводня»), благодаря произведению Фернандо де Рохаса «Трагикомедия о Калисто и Мелибее» (опубликована в XVI в.). ФЕ “los polvos de la madre Celestina” в значении «чудодейственное, магическое средство» [14, с. 549], безусловно, мотивирована одним из эпизодов трагикомедии, в котором старая сводня готовит любовный порошок. Позднее, в 1840 г. фразеологизм стал названием снискавшей популярность среди зрителей комедии Хуана Эухенио Артсенбуча (1806–1880) «Порошки мамаша Селестины» (Los polvos de la madre Celestina).

“Darle a uno con la de Rengo” (1. обмануть ожидания, оставить с носом [14, с. 591]; 2. убить одним ударом).

Представленное ИС заимствовано из героической поэмы «Аракуана» Алонсо де Эрсильи (1533–1594) и, по-видимому, отсылает к стиху XXIX, описывающему поединок между двумя воинами: Тукапелем и Ренго. Примечательно, что в отличие от фразеологических словарей, регистрирующих значение «обмануть, оставить с носом, провести» [Ibid], С. Гарсия Кастаньон предлагает лишь одну трактовку — нанести сокрушительный и смертельный удар [10, р. 116].

Упомянутая поэма стала источником происхождения еще одного фразеологизма — **“Hacer la de Rengo”** (притвориться больным, симулировать болезнь [14, с. 591]).

Источником следующей устойчивой единицы является произведение Сервантеса «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»:

“Las Bodas de Camacho” (букв. свадьба Камачо; ≈ широкое гуляние) /

Выражение восходит к событиям, описанным в главе XXIX второй части произведения, повествующей о свадьбе богача Камачо.

«Patio de Monipodio» (букв. двор Мониподьо; ≈ пристанище воров и мошенников).

Данная ФЕ также заимствована из творчества Сервантеса — новеллы «Ринконете и Кортадилльо», в которой сеньор Мониподьо — предводитель шайки воров.

“El lindo don Diego” (букв. красавчик Дон Диего; ≈ женоподобный франт).

Фразеологизм происходит от одноименной пьесы Агустина Морето (1618–1669), главный герой которой — щеголеватый франт дон Диего, чрезмерно заботящийся о своей красоте и внешности.

“Ser un fray Gerundio” (букв. быть монахом Херундио; ≈ словоблуд, хулиТЕЛЬ).

Персонаж произведения Хосе Франсиско де Исла (1703–1781) «История достоправного проповедника брата Герундио де Кампасаса по прозвищу Тупица» (Historia del famoso predicador fray Gerundio de Campazas, alias Zotes), всегда готовый вступить в самый горячий морализаторский спор, неуклюже стараясь казаться образованным и мудрым. Его речь изобилует абсурдными силлогизмами, нелепыми цитатами, еретическими высказываниями [15, р. 175].

Примечательно, что благодаря упомянутому персонажу, лексическая единица (ЛЕ) “gerundio” имеет в испанском языке вторичное значение «человек, который пишет возвы-

шенным слогом», претендуя сойти за умного и эрудированного [9].

“Renunciar a la mano de doña Leonor” (букв. *отказаться от руки доньи Леонор*; ≈ отдать то, чего не имеешь).

ФЕ вошла в язык из произведения “La pata de cabra” проживавшего в Испании французского драматурга Х. Гримальди (1796–1872) [3]. Главный герой произведения настойчиво сватается к знатной даме Леонор, когда же получает окончательный отказ, то заявляет, что в силу своего благородства добровольно отказывается от руки Леонор и уступает ее сопернику. Приведенное выражение используется в значении «отдать то, чего нет», сохраняя хорошую мину при плохой игре.

“Elemental, querido Watson” (элементарно, Ватсон).

Выражение, ставшее интернациональным, является цитатой (*англ. elementary, my dear Watson*), заимствованной из рассказов о Шерлоке Холмсе (автор — А. Конан Дойл, 1859–1930).

“Ser/parecer el abuelo Cebolleta” (букв. *быть/походить на дедушку Себольету*; рассказывать байки).

Выражение происходит из комикса — своеобразного жанра, сочетающего визуальную форму и художественное повествование. Речь идет об испанском комиксе “La familia Cebolleta”, первый номер которого вышел в свет в 1951 г. Одним из героев является говорливый дедушка, постоянно и не к месту рассказывающих о сомнительных былых подвигах и славных свершениях. Образ персонажа обусловил появление еще одного фразеологизма: **“Contar más batallitas que el abuelo Cebolleta”** (≈ рассказывать байки, заливать). Обращает на себя говорящая

фамилия персонажа [16] и всего семейства героев комикса (исп. *cebolleta* — зеленый лук), которая может быть переведена на русский как «Луковков» или «Луковкин».

Значительное количество литературных ИС подверглись процессу деонимизации и на основе антономазии перешли в разряд апеллятивов. Среди исследователей еще не сложилось единого мнения по вопросу терминологического наименования подобных ИС: в зарубежных научных работах они объединяются в понятие «эпоним» или «деоним» [10; 17], в ряде отечественных трудов именуются нарицательными деантропонимами [1; 18; 19] или деантропонимическими апеллятивами [20]. В настоящей статье представлены как деантропонимы, так и эпонимы, ввиду чего представляется необходимым разграничить данные понятия. Под эпонимом понимается термин, содержащий в «своем» составе имя собственное (антропоним или топоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия» [21, с. 24]. Действительно, процесс деантропонимизации и процесс эпонимизации предусматривают разрыв с исходным денотатом и переход ИС в разряд апеллятива. Однако эпонимизация основана, как правило, на метонимическом переносе, в случае антропонимов — от человека к предмету или явлению (вольт, герц, синдром Туррета, закон Ома), ключевым при этом является отсутствие сопутствующего эмоционально-оценочного компонента. Эпонимы содержат ИС, но не выражают изначально сопровождающую его коннотацию. Деантропонимы, в основе которых лежит антономазия, наоборот, призваны транслировать эмотивную информацию,

заложенную в ИС, проецировать оценочную характеристику прецедентного имени на другое лицо (Сусанин, Казанова и т. д.) Следует также оговориться, что деантропонимы происходят от ИС человека, тогда как эпонимы могут образовываться также от топонимов (бермуды, полоний), прагматонимов (ксерокс, джип) и т. д. по различным словообразовательным моделям (для испанского языка характерны безаффиксный или суффиксальный способы). Как деантропонимы, так и эпонимы зачастую позволяют восстановить экстралингвистическую информацию, мотивировавшую переход ИС в разряд нарицательных (событие, ситуация и т. п.), однако эпоним, сохраняя внешнюю форму слова (ИС) и становясь, как правило, термином, теряет оценочность, соотношенную с образом исторической личности, персонажа и т. д. (срав. «он просто Шумахер» и «давление 2 паскаля на м²»).

При рассмотрении представленных в источниках апеллятивов соблюден тот же хронологический принцип создания художественного текста.

“**Sosia**” или “**Sosias**” (двойник).

Прецедентным является имя Сосия, персонажа пьесы Тита Макция Плавта (≈ 254–184) «Амфитрион». Переход в разряд имени нарицательного мотивирован событиями сцены первой, в которой Меркурий принимает облик раба Амфитриона Сосия и встречается с настоящим Сосией.

“**Fata Morgana**” (фата-моргана, мираж).

ЛЕ восходит к имени персонажа из уже упомянутого цикла легенд о короле Артуре — фее Моргане, обладавшей способностью перевоплощения. В на-

стоящее время указанная ЛЕ со значением «мираж», «оптический обман» стала интернациональной.

“**Bernardina**” (ложь, хвастовство, притворство).

Как утверждает С. Гарсия Кастальон, указанная ЛЕ восходит к ИС Bernardo del Carpio, персонажу средневекового испанского эпоса «Песнь о Бернарде дель Карпио» (El cantar de Bernardo del Carpio) [10]. Текст героического эпоса не дошел до наших дней, ввиду чего затруднительным представляется определить мотивацию значения ЛЕ. Вероятно, речь идет о содержательной стороне произведения, в котором повествуется о неправдоподобных подвигах легендарного воина, но также можно предположить, что ЛЕ фиксирует факт самой утери подлинного текста, в силу чего все истории Бернарда (bernardinas) представляются неподтвержденным вымыслом.

Старофранцузский героический эпос «Песнь о Роланде» привнес в испанский язык несколько ЛЕ, ставших нарицательными:

“**Galalón**” (предатель).

Прецедентным именем в данном случае служит граф Ганелон, «предавший всех» (перевод Корнеева), один из персонажей эпоса, ставший олицетворением вероломства, лукавства и подлости. К графу Ганелону восходит еще одно имя нарицательное с синонимичным значением — “**Magancés**” (от *Ganelón de Maganza* — Ганелон из Майнца). В поэме Гейне «Атта Троль» персонаж охарактеризован как «Иуда-рыцарь Ганелон из Майнца» (перевод Н. Гумилева). В самом же эпосе сцена предательства описана в стихе XLVIII: «Сгубить Роланда пособите нам /

Добейтесь, чтоб он в арьергард попал». / Ответил Ганелон: «Да будет так», / Облобызал язычника в уста» [22, с. 23].

“**Fierabrás**” (неугомонный хвостун). Могучий сарацинский исполин, принявший христианство, рыцарь «Фьерабрас» (от фр. *fier-à-bras*) появляется в ряде французских героических поэм, в том числе одноименной (≈ XII в.). Упоминание о легендарном воине можно найти в текстах смежных жанров, а также в «Хитроумном идалго Дон Кихоте Ламанчском».

“**Panfleteo**” (памфлет).

Словарь С. Гарсии Кастатьяна определяет данную ЛЕ как эпоним, восходящий к имени главного героя средневековой комедии “*Pamphilus*” или “*Pamphilus de amore*”. По-видимому, данный эпоним сперва вошел в английский язык, из которого впоследствии был заимствован испанским. Значение ЛЕ мотивировано, вероятно, количеством копий произведения, циркулировавших в Средние века.

“**Lazarillo**” (1. мальчик, сопровождающий слепого; 2. поводырь (о человеке и собаке)) [9].

Приведенная ЛЕ изначально восходит к библейскому герою притчи о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31). Диминутив, представленный в произведении анонимного автора «Жизнь Ласарильо с Тормеса: его невзгоды и злоключения» (*La vida de Lazarillo de Tormes: y de sus fortunas y adversidades*, XVI в.), избран неслучайно и преследует цель создания комического, усиления контраста между христианскими ценностями и пороками мирской суеты. Аллюзия на библейского персонажа вступает в явное противоречие с образом героя, вынужденного выживать хитростью

и обманом. Резкая антиклерикальная критика произведения усиливает эффект дисгармонии [23, р. 56]. В современном испанском языке ЛЕ “*lazarillo*” используется, как правило, для обозначения человека, сопровождающего незрячих людей [10], однако также может употребляться как ироничное обозначение гида [1].

“**Sífilis**” (сифилис).

Медицинский эпоним антропони-мической модели произошел от имени персонажа медицинской поэмы Джироламо Фракасторо (1478–1553) «Сифилис, или о галльской болезни» (*Syphilis sive morbus Gallicus*). Научный трактат, описывающий симптомы и развитие болезни, завершается художественным повествованием о пастухе Сифилисе, которого боги Олимпа наказывают этим недугом.

“**Romeo**” (Ромео, влюбленный юноша).

Интернациональный деантропоним, заимствованный из пьесы Шекспира.

“**Quijote**”

Имя самого известного героя испанской литературы давно перешло в разряд нарицательных и закрепилось в двух базовых значениях: 1. мечтатель, человек, борющийся за недостижимые идеалы; 2. высокий и худощавый мужчина [9]. Если второе значение фиксирует лишь внешнее сходство с героем, то в первом значении заложено подчеркнуто иронический оттенок, выражающий несбыточность и эфемерность устремлений и мечтаний [10, р. 114], наивность и даже инфантильную глупость человека, стремящегося достичь невозможного, потерявшего здравый смысл. Присущее этому герою благородство отходит на второй план, уступая место, скорее,

негативной коннотации (наивный мечтатель, горе-вояка). Часто имя “quijote” интегрируется в сравнительные обороты (más que/como).

“**Dulcinea**” (1. возлюбленная; 2. несбыточная мечта [9]).

Нарицательный деантропоним «дульсинья» (в переводе Любимова) или «дульцинея» (в переводе Жуковского) восходит к персонажу Сервантеса Дульсинии Тобосской, даме сердца идалго Дон Кихота.

“**Maritornes**” (невзрачная служанка).

Имя еще одного персонажа Сервантеса перешло в разряд нарицательных и в современном испанском языке используется для обозначения ничем непримечательной, внешне некрасивой служанки [9; 10, р. 92]. Указанное значение полностью соответствует приведенному в романе описанию персонажа: *«широколицая, курносая, со срезаным затылком, на один глаз кривая, — впрочем, и другой глаз был у нее не в порядке»* [24, с. 167].

“**Don Juan/Donjuán**” (донжуан, соблазнитель).

Нарицательным во многих языках мира стало имя «Дон Жуан» (фр. — Dom Juan, ит. — Don Giovanni, исп. Don Juan), используемое для обозначения ловеласа, соблазнителя [14, с. 342]. В этом же значении в испанском языке используется ЛЕ “**tenorio**” (hecho un tenorio, como un tenorio). Оба ИС восходят к персонажу пьесы Тирсо де Молины «Севильский озорник, или каменный гость» (перевод Ю.Б. Корнеева) Дону Хуану Тенорио. Антропоним “Don Juan”, предположительно отсылающий к конкретной исторической фигуре, ранее присутствовал в фольклорном ономастиконе [25], однако цельный образ персонажа сформирова-

ровался лишь в произведении Тирсо де Молины. Таким образом, имя “Don Juan” уже обладало определенным коннотативным значением до его появления на страницах художественного текста. В дальнейшем к образу Дон Жуана обращались Мольер, Х. Соррилья, Гофман, А.С. Пушкин, Байрон, К. Гольдони и пр.

“**Tartufo**” (обманщик, лицемер).

ЛЕ, которая также может быть отнесена к категории интернациональных, восходит к пьесе Мольера «Тартюф, или обманщик» (1664).

“**Robinson**” (Робинзон, одинокий, беспомощный).

Прецедентное имя представлено в известном романе Д. Дефо (1660–1731).

“**Pamela**” (широкополая шляпа).

В данном случае речь идет об эпониме антропонимической модели, отсылающем к имени героини эпистолярного романа Сэмюэля Ричардсона (1689–1761) «Памела, или Награжденная добродетель» [9; 10], обладательницу «соломенной шляпы с лентами голубыми» [26].

“**Figaro**” (брадобрей, цирюльник).

ЛЕ происходит от имени героя комедий Бомарше (1732–1799).

“**Frankenstein**” (Франкенштейн, монстр).

Прецедентное имя представлено в готическом романе Мэри Шелли (1797–1851) «Франкенштейн, или Современный Прометей». Безусловно, интернационализации имени в качестве нарицательного поспособствовала последующая экранизация произведения 1931 г.

“**Quasimodo**” (1. безобразный, уродливый; 2. горбун).

Прецедентное имя, восходящее к религиозной сфере, принадлежит ге-

рою «Собора Парижской Богоматери» (1831) В. Гюго.

“**Rambo**” (Рэмбо, стойкий боец).

Прецедентное имя (Джон Рэмбо) представлено на страницах романа Дэвида Моррелла (р. 1943) «Первая кровь», экранизированному в Голливуде в 1982 г.

Отдельного упоминания заслуживают ИС, восходящие к театральной традиции, а точнее — к итальянской комедии дель арте, ставшей источником апеллятива “**arlequin**” (посмешище, шут). Примечательно, что итальянское имя маски Arlecchino восходит к другому прецедентному имени — Эллекен (Hellequin), предводителю призрачных охотников в германской мифологии [10, р. 20].

Также от комедии дель арте берет свое начало вестиментарный эпоним “**pantalón**” (брюки), происходящий от Панталоне [Ibid, р. 107], персонажа-маски, традиционно облаченной в длинные красные штаны.

Представленные выше имена нарицательные в целом сохранили свою исходную форму, однако есть корпус дериватов, образованных путем деантропонимической адекватации или субстантивации (с применением суффиксального способа).

“**Malapropismo**” (малапропизм, ошибочная замена слова на другое, схожее по звучанию).

С. Гарсия Кастальон указывает, что ЛЕ восходит к имени миссис Малапроп (Mrs. Malaprop), героине пьесы Шеридана (1751–1816) «Соперники», которая любила использовать некстати различные слова и выражения. Не стоит, однако, забывать о том, что пьесы Шеридана отличаются говорящими фамилиями. Так, в упомянутой комедии представлены Lidia

Languish (Лидия Томность), Lucius O'Trigger (Люциус О'Курок) и Mrs. Malaprop (миссис Невпопад) [27]. Предположительно фамилия персонажа происходит от французского выражения “*mal à propos*” (неуместный).

“**Alejandrino**” (александрийский стих).

Прецедентное имя «Александр» отсылает к средневековому «Роману об Александре», старофранцузской поэме об Александре Македонском, являющейся переложением греческого произведения. Двенадцатисложный стих с ритмической паузой, ставший впоследствии популярным в средневековой литературе, стал именоваться «александрийским».

“**Pantagruélico**” (чрезмерный, излишний (*o ede*)).

Прилагательное восходит к Пантагрюэлю из уже упомянутого сатирического романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

“**Mefistofélico**” (мефистофельский, дьявольский).

Прецедентное имя приведено в «Фаусте» Гете (1749–1832).

“**Rocambolesco**” (невероятный, несуразный).

ЛЕ берет начало от ИС героя авантюрно-уголовных романов французского писателя Понсона дю Террая (1829–1871). Автор посвятил проходимцу и разбойнику Рокамболу (Rocambole) цикл произведений.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Прецедентная природа рассмотренных ИС позволяет классифицировать их на интернациональные и национальные. К первой категории отнесены нарицательные деантропонимы и ФЕ с компонентом-ИС, восходящие к общеизвестным шедеврам

мировой литературы. Как правило, указанные единицы присутствуют в сознании многих народов, обладают идентичными ассоциативными связями и коннотациями, имеют частичный или полный эквивалент в других языках и не нуждаются в сопровождающем комментарии (Elemental, querido Watson; Romeo; Quasimodo; Robinsón; Frankenstein и пр.)

К национальным отнесены языковые единицы, присутствующие в основном в сознании носителей испанского языка (las coplas de Calainos; bernardina и пр.). Важно подчеркнуть, что «национальная» категория не ограничивается носителями пиренейского варианта, но охватывает все сообщество говорящих на испанском языке.

2. Большинство деантропонимических апеллятивов призваны выражать экспрессивно-оценочную характеристику, заложенную в исходном антропониме. Эмотивное отношение к литературному персонажу, транслируемое самим автором посредством повествования или сформированное при прочтении у читателя, при помощи антономазии распространяется на иные объекты и лица. При переходе в разряд нарицательных ИС может писаться со строчной буквы и, как правило, используется с неопределенным артиклем, придающим фигуральное значение с оттенком преувеличения (eres un donjuán, es un Frankenstein).

3. Ряд литературных антропонимов подвергается процессу эпонимизации и, утрачивая со временем эмотивный компонент, сопровождавший исходное ИС, входят в различные сферы употребления: медицинскую (sífilis), вестиментарную (pamela, pantalón) и т. д.

4. Распределение литературных антропонимов по хронологическому принципу свидетельствует о явном доминировании единиц, восходящих к произведениям Средневековья (эпосам, романсам, рыцарским романам). Указанная историческая эпоха характеризуется героизацией рыцарства, подкрепленной национальной идеей борьбы с врагом, отвоевания территории и защиты христианства. Востребованный образ смелого и справедливо воителя, свойственный европейской традиции героического эпоса, воплотился в фигурах Аграхеса, Сиды и Роланда. Обращает на себя внимание четкое и недвусмысленное значение апеллятивов, восходящих к литературным памятникам Средних веков — все они, как правило, соотносятся с конкретной добродетелью или пороком (Cid — смелость и благородство; Galalón — предательство). При этом имена героев эпосов и романсов, предположительно, уже обладали определенной коннотацией до входа в произведение.

Значительный показатель демонстрируют литературные ИС, заимствованные из произведений XVI–XVII вв. период, на который пришлось творчество Сервантеса, Шекспира, Тирсо де Молины, Рабле, Мольера. Безусловная гениальность творений указанных авторов, подкрепленная возросшей доступностью печатной литературы массовому читателю (Сервантес, Рабле) и популярностью театральных постановок (Шекспир, Мольер, комедия дель арте), обеспечили активный процесс перехода литературных ИС в апеллятивы и их последующую интеграцию в лексический корпус языка. Следует отметить более комплексное значение, прису-

щее указанным онима́м (*darle a uno con la de Rengo, Quijote, Dulcinea*).

Таким образом, изучение семантики и особенностей функционирования испанской ономастической лексики, стоящее на стыке лингви-

стики и литературоведения, позволяет расширить знания о лексическом составе языка, выявить особенности образного мышления, ознакомиться со спецификой историко-культурного контекста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рылов, Ю.А., Корнева, В.В., Шеминова, Н.В., Лопатина, К.В., Варнавская, Е.В. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под ред. проф. Ю.А. Рылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 390 с.
2. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М.: Р. Валент, 2001. 199 с.
3. Doval, G. Del hecho al dicho. Barcelona: Editorial Alba Libros, S.L.U., 2010. 423 p.
4. Junceda, L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. 5a edición. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2015. 750 p.
5. Iribarren, J.-Ma. El porqué de los dichos. Sentido, origen y anécdota de dichos, modismos y frases proverbiales. 3a edición. Barcelona: Ariel (Planeta S.A.), 2020. 536 p.
6. Bello, A. Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. Caracas: Fundación La Casa de Bello, 1995. 545 p.
7. Кеvedо, Ф. де. Сновидения и рассуждения об истинах, обличающих злоупотребления, пороки и обманы во всех профессиях и состояниях нашего века / пер. И. Лихачева. URL: http://www.lib.ru/INOOLD/KEWEDO/kevedo4.txt_with-big-pictures.html#12 (дата обращения: 12.08.2020).
8. Leal, Ma.-J. El español como Lengua Extranjera en los estudios de Humanidades: integración de elementos lingüísticos y socio-culturales a través de la fraseología española // Revista Internacional de Ciencias Humanas. 2012. Vol. 1. No. 1. P. 43–52.
9. Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es> (дата обращения: 12.08.2020).
10. García-Castañón, S. Diccionario de epónimos del español. Gijón: Ediciones Trea S.L., 2001. 142 p.
11. Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. Dir. por Manuel Seco. 2a edición. Madrid: JdeJ Editores, 2017. 691 p.
12. Аруосто, Л. Неистовый Роланд. Песни XXVI–XLVI / пер. свободным стихом М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. 544 с. URL: http://biblioteca.narod.ru/Neistovyj_Roland2.pdf (дата обращения: 17.08.2020).
13. Ра́бле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / перевод В.А. Пяста. М. Изд-во Юрайт, 2019. 442 с.
14. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / Э.И. Левинтова, Е.М. Вольф, Н.А. Мовшович, И.А. Будницкая; под ред. Э.И. Левинтовой. М.: Рус. яз., 1985. 1080 с.
15. Martínez Fernández, J.-E. Burla, sátira y humor en Fray Gerundio de Campazas (huellas de la comicidad carnavalesca) // Epos: Revista de filología. 1999. No. 15. P. 175–198.
16. Díaz Yubero, I. El hambre y la gastronomía de la guerra civil a la cartilla de racionamiento // Estudios sobre consumo. 2003. No. 66. P. 9–22.
17. García Gallarín, C. Deonomástica, eponimia y el problema de la referencia // Moenia. Vol. 25. Universidad de Santiago de Compostela, 2020. P. 35–62.

18. Буркова, Т.А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2010. 45 с.
19. Никитина, О.А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 42–54.
20. Селиванова, И.В. Деантропонимические апеллятивы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2009. 20 с.
21. Какзанова, Е.М. Номенклатура и термины-эпонимы: обзор мнений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 5. С. 21–25.
22. Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос. Л.: Наука, 1964. 196 с.
23. Rey Hazas, A. Deslindes de la novela picaresca. Málaga: Servicio de Publicaciones y Divulgación Científica de la Universidad de Málaga. 2003. 463 p.
24. Сервантес Сааведра, М. де. Дон Кихот Ламанчский. [ч. 1] / [авт. вступ. ст. Ф. В. Кельин; примеч. В. Узина; гравюры Г. Доре; пер. с исп. Н. Любимова; стихи в пер. М. Лозинского]. М.: Правда, 1961. 598 с.
25. Погребная, Я.В. Особенности интерпретации образа Дон Жуана в художественно-исследовательской и обучающей «истории» Алессандро Барикко «Дон Жуан» // Артикульт. 2018. № 29 (1). С. 128–136.
26. Ричардсон, С. Памела, или Награжденная добродетель. Ч. 1. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/RICHARDSON/pamela1.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).
27. Шеридан, Р.Б. Соперники. Комедия в пяти действиях / перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник. М.; Л.: Искусство, 1939. 142 с.
28. Buitrago, A. Diccionario de dichos y frases hechas. 3a edición. Barcelona: Espasa Libros, S.L.U., 2014. 982 p.

REFERENCES

1. Ariosto L. *Neistovyi Roland*. Pesni XXVI-XLVI. Perevod svobodnym stikhom M.L. Gasparova. Moscow, Nauka, 1993, 544 p., available at: http://biblioteca.narod.ru/Neistovyj_Roland2.pdf (accessed: 17.08.2020). (in Russian)
2. Bello A. *Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos*. Caracas, Fundación La Casa de Bello, 1995, 545 p.
3. Buitrago A. *Diccionario de dichos y frases hechas*. 3ª edición. Barcelona, Espasa Libros, S.L.U., 2014, 982 p.
4. Burkova T.A. *Funktionalno-stilisticheskoe varirovanie antroponimov v nemetskom yazyke*: Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Ufa, 2010, 45 p. (in Russian)
5. Cervantes Saavedra M. de. *Don Kikhot Lamanchskii*. Moscow, 1961, 598 p. (in Russian)
6. Díaz Yubero I. El hambre y la gastronomía de la guerra civil a la cartilla de racionamiento, *Estudios sobre consumo*, 2003, No. 66, pp. 9–22.
7. *Diccionario de la lengua española*, available at: <https://www.rae.es> (accessed: 12.08.2020).
8. *Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles*, Dir. por Manuel Seco. 2ª edición. Madrid, J. de J. Editores, 2017, 691 p.
9. Doval G. *Del hecho al dicho*. Barcelona, Editorial Alba Libros, S.L.U., 2010, 423 p.
10. Ermolovich D.I. *Imena sobstvennyye na styke yazykov i kultur: Zaimstvovanie i peredacha imen sobstvennykh s točki zreniya lingvistiki i teorii perevoda*. Moscow, R. Valent, 2001, 199 p. (in Russian)
11. García Gallarín C. Deonomástica, eponimia y el problema de la referencia, *Moenia*, Vol. 25, Universidad de Santiago de Compostela, 2020, pp. 35–62.

12. García-Castañón S. *Diccionario de epónimos del español*. Gijón, Ediciones Trea S.L., 2001, 142 p.
13. Iribarren J.-M. *El porqué de los dichos. Sentido, origen y anécdota de dichos, modismos y frases proverbiales*, 3ª edición. Barcelona, Ariel (Planeta S.A.), 2020, 536 p.
14. *Ispansko-russkii frazeologicheskii slovar: 30 000 frazeologicheskikh edinits*, E.I. Levintova, E.M. Volf, N.A. Movshovich, I.A. Budnitskaya, ed. E.I. Levintovoi. Moscow, Rus. yaz., 1985, 1080 p. (in Spanish and Russian)
15. Junceda L. *Diccionario de refranes, dichos y proverbios*, 5ª edición. Madrid, Espasa Calpe, S.A., 2015, 750 p.
16. Kakzanova E.M. Nomenklatura i terminy-eponimy: obzor mnenii, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya "Lingvistika", 2010, No. 5, pp. 21–25. (in Russian)
17. Leal M.-J. "El español como Lengua Extranjera en los estudios de Humanidades integración de elementos lingüísticos y socio-culturales a través de la fraseología española", *Revista Internacional de Ciencias Humanas*, 2012, vol. 1, No. 1, pp. 43–52.
18. Martínez Fernández J.-E. Burla, sátira y humor en Fray Gerundio de Campazas (huellas de la comicidad carnavalesca), *Epos, Revista de filología*, 1999, No. 15, pp. 175–198.
19. Nikitina O.A. Osobennosti obrazovaniya novykh nemetskikh glagolov na baze antroponimov, *Nauchnyi dialog*, 2015, No. 11 (47), pp. 42–54. (in Russian)
20. *Pesn o Rolande*, Starofrantsuzskii geroicheskii epos, Leningrad, 1964, 196 p. (in Russian)
21. Pogrebnaya Ya.V. Osobennosti interpretatsii obraza Don Giovanni v khudozhestvenno-issledovatel'skoi i obuchayushchei "istorii" Alessandro Baricco "Don Giovanni", *Artikult*, 2018, No. 29 (1), pp. 128–136. (in Russian)
22. Quevedo F. de. *Sueños y discursos de verdades descubridoras de abusos, vicios y engaños en todos los oficios y estados del mundo*, perevod I. Likhacheva, available at: http://www.lib.ru/INOOLD/KEWEDO/kevedo4.txt_with-big-pictures.html#12 (accessed: 12.08.2020). (in Russian)
23. Rabelais F. *Gargantua and Pantagruel*, Perevod V.A. Pyasta. Moscow, Izdatelstvo Yurait, 2019, 442 p. (in Russian)
24. Rey Hazas A. *Deslindes de la novela picaresca*. Málaga, Servicio de Publicaciones y Divulgación Científica de la Universidad de Málaga, 2003, 463 p.
25. Richardson S. *Pamela, or Virtue Rewarded*, available at: <http://www.lib.ru/INOOLD/RICHARDSON/pamela1.pdf> (accessed: 12.08.2020). (in Russian)
26. Rylov Yu.A., Korneva V.V., Sheminova N.V., Lopatina K.V., Varnavskaya E.V. *Sistemnye i diskursivnye svoistva ispanskikh antroponimov*, ed. prof. Yu.A. Rylova. Voronezh, Izd-vo VGU, 2010, 390 p. (in Russian)
27. Selivanova I.V. *Deantroponimicheskie apellyativy v sovremennom nemetskom yazyke*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Moscow, 2009, 20 p. (in Russian)
28. Sheridan R. *Soperniki*, perevod T.L. Shchepkinoi-Kupernik. Moscow, Leningrad, Iskusstvo, 1939, 142 p. (in Russian)

Богданова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романских языков им. В.Г. Гака, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, ev.bogdanova@mpgu.su

Bogdanova E.V., PhD in Philology, Associate Professor, V.G. Gak Romance Languages Department, Foreign Languages Faculty, Moscow Pedagogical State University, ev.bogdanova@mpgu.su